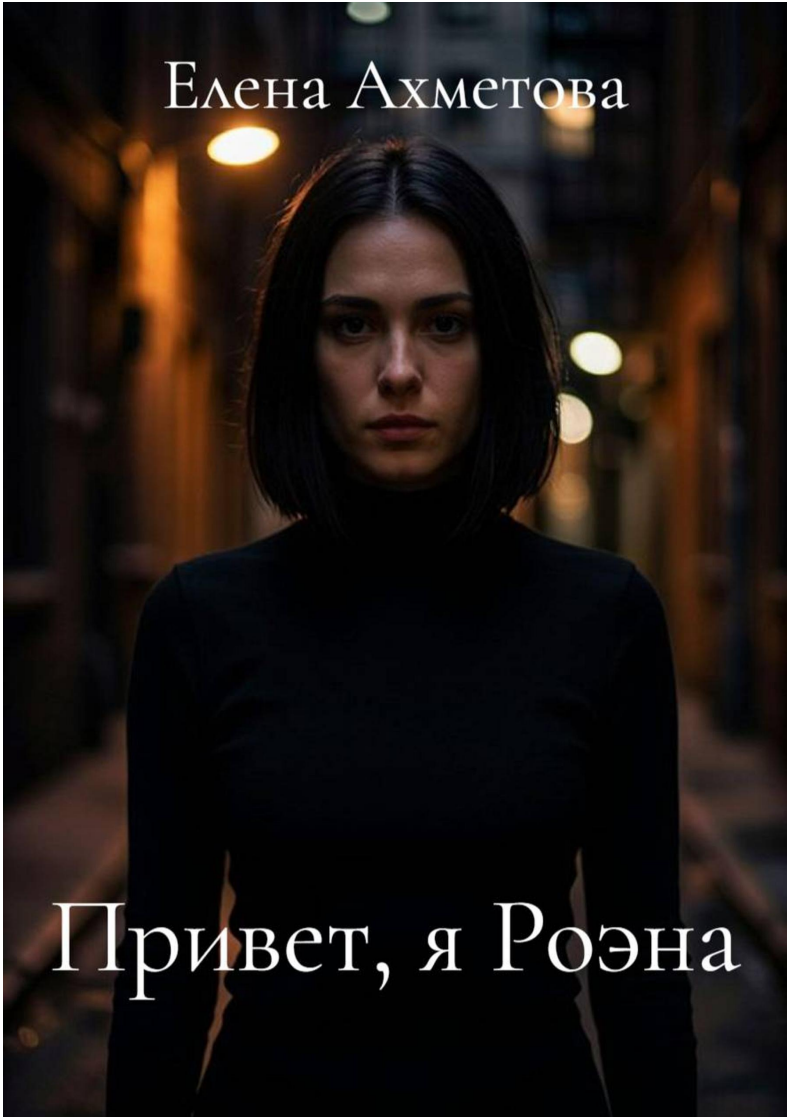

Елена Ахметова
Привет, я Роэна

Елена Ахметова

Привет, я Роэна

https://litres.ru/74855947
SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть вызывает бурю эмоций у любого живого существа. Оттого-то ее проще всего предсказать – а у любой пророчицы есть беспроигрышный выход из ситуации, если на свидание пришел мужчина совсем не в ее вкусе.

– Привет, я Роэна. Хочешь знать, как ты умрёшь?

В этот раз все пошло не так.

Этого парня убью я.

Содержание

ПРОЛОГ 4
ГЛАВА 1 10
ГЛАВА 2 29
ГЛАВА 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Елена Ахметова
Привет, я Роэна

ПРОЛОГ

Это проще пережить, если представить, что ты играешь в пошаговую стратегию с ограничениями по времени хода. Похоже ведь – только правила все время меняются.

Его ход: ты заперта в детской комнате и не можешь сойти с игрового коврика. Ребенок ползает вокруг, роняет все предметы в зоне досягаемости, лезет на комод и начинает верещать, если ты пытаешься нарушить порядок действий и достаешь телефон. Не твоя очередь. Сейчас разрешается только смотреть на сына влюбленными глазами. И иногда класть игрушки на комод, чтобы было что скидывать на пол.

Твой ход: он спит, ты можешь переложить игрушки повыше и, возможно, выпить кофе. Главное правило – вернуться к кроватке через сорок минут, потому что он будет жульничать и пытаться играть не в свой ход. И в кого он такой, а?

Геймифицируй это. Преврати в игру – или сойдешь с ума.

Тебе уже было видение. Одно неверное решение – и ты еще долго будешь внезапно начинать рыдать над сетевой картинкой, где на одном из булыжников на каменной мостовой написано: «Когда-то я был горой», – а спустя полчаса

плавиться от умиления на двух квадратных метрах игрового коврика, потому что сын наконец-то впервые начал что-то повторять за тобой, а не только крушить все вокруг. Игрок А получает критический урон по рассудку на три года, игрок Б выигрывает дополнительные очки силы, но теряет единицу самооценки за всякий раз, когда игрок А плачет при нем.

Геймифицируй это и введи игрока В. Против правил? Зато игрок В – няня – переключает игрока Б на себя на два хода, и игрок А может на время удрать с доски и остаться в ладу со своей головой. Но только если игрок В включается в пошаговую стратегию регулярно.

Если няня еще и придет точно к началу своего хода, то ты успеешь расчесаться, накраситься и даже помахать сыну на прощание, как рекомендуют все пособия по воспитанию: «Пока-пока милый, мама уходит. Ты поиграешь с тетей Шимме, вкусно покушаешь, поспишь в своей кроватке, а потом мама вернется и будет читать тебе книжку про зайчика, который ходил на горшок».

Все три игрока прекрасно понимают, что спать ребенок будет в твоей кровати, а не в своей, и никакая книжка ему в этом возрасте еще не интересна, но правила игры принимают все. Возможно, игрок Б и хочет возразить, но для начала ему придется освоить речь – а потому я дисциплинированно машу ему на прощание, выдаю заранее заготовленную фразу, которую он едва ли понимает, и впрыгиваю в ботинки.

– Расскажешь потом, как прошло, – с вежливо подделан-

ным энтузиазмом требует Шимме и на всякий случай напоминает: – Я на связи, если что.

Это означает и подстраховку – она знает, куда и к кому я иду и ко скольки должна вернуться, – и светски завуалированное «брысь отсюда, с няней твой маленький бесенок позволяет себе куда меньше, чем с мамой, обойдись фотоотчетом и не усложняй мне задачу». Поскольку Шимме – единственная няня, согласная работать с сыном пророчицы за вполне адекватные деньги, я посылаю Ризу воздушный поцелуй и послушно скрываюсь за дверью. Субординация – это не для матерей-одиночек, а для тех, кто может позволить себе перебирать варианты.

Путь мой лежит в соседний квартал, в небольшую кофейню со своей кондитерской, повинной в некоторой округлости моих щек и в хоть каком-то блеске глаз. Бариста запускает кофемашину сразу, едва увидев сквозь стеклянные двери, что я целеустремленно сворачиваю к знакомой вывеске. Он не знает, как меня зовут, но уже точно помнит, что мне нужен самый большой раф и шоколадная посыпка на пенке. А под настроение, возможно...

– ...круассан? – предлагает он самым заговорщическим тоном, будто продолжая прерванный разговор.

В каком-то смысле так оно и есть. Я заходила сюда и вчера, и позавчера – правда, оба раза с коляской, твердо намеренная выпить что-то горячее, пока Риз спит.

– С миндалем, – в тон ему отвечаю я с порога, осматрива-

ясь. – Для разнообразия – не навынос, а вооон за тот столик у окна.

Столиков, собственно, всего четыре. Два из них пустуют, за третьим собрались пожилые дамы (с такими шикарными кофейными коктейлями, что на какое-то мгновение я едва не решилась изменить своему любимому рафу) и оживленно беседуют, а за самым дальним сидит владелец точки и так мрачно лупцует клавиатуру ноутбука, будто это из-за нее кофейня не пользуется популярностью ранним утром выходного дня. Словом, ни один из посетителей не походит на того сумасбродного парня из приложения для знакомств, на встречу с которым меня подбила Шимме.

Я умудрилась прийти на свидание первой. Отличное начало.

Шоколадной посыпки на кофе сегодня меньше обычного, зато бариста потрудился нарисовать ею кленовый листик. Я удерживаюсь от замечания о том, что иногда женщина хочет не чего-то миленького, а просто побольше шоколада, и в моем случае это «иногда» тянется... ну, начиная со второго триместра беременности и по сей день. Человек старался. Мне предстоит еще не один год восхищаться детскими поделками, и начинать тренировки по благодарности стоило, ну... начиная со второго триместра?

– Это очень мило, – улыбаюсь я бариста и салютую ему кофейной чашкой.

Я не помню, когда последний раз пила кофе не на бегу из

картонного стаканчика, и ощущать ладонью тепло от керамической ручки странно и непривычно. Когда я жаловалась Шимме, что мне до темноты в глазах не хватает новых впечатлений, а она посоветовала просто оставить ее с ребенком и уйти в кафе, сначала подумалось, что няня просто не понимает, о чем говорит.

А она понимала, кажется, даже больше меня. Мало ли нас было на ее веку, одиноких тревожных мамаш, которые сами себя загнали в тоскливую, но предсказуемую рутину – и сами же из-за этого и взвыли? Если бы не Шимме...

Есть круассан не на ходу, одной рукой толкая коляску и постоянно посматривая, не проснулся ли там один извечный претендент на запрещенные пока сладости, еще более странно. Я так сосредотачиваюсь на этом ощущении (Я ем! Сидя! Не тороплюсь! То есть, конечно, по-хорошему стоило дождаться парня из приложения для знакомств, но для меня такой темп уже невыносимо медленный. И плевать, мне в кои-то веки еще и делиться едой не надо!), что умудряюсь не заметить звон дверного колокольчика и отвлекаюсь от своей тарелки, только когда новый посетитель останавливается посреди прохода и начинает осматриваться.

Дома, рядом с Ризом, такой паттерн поведения обычно означает, что сейчас от моего личного пространства останутся одни воспоминания, и я машинально наклоняюсь вперед, словно еще могу спрятать свой гастрономический разгул, но потом вспоминаю, где я и зачем, – и сперва роняю челюсть,

а потом хмурюсь.

На фото в профиле – летающая голова с мечтательным взглядом куда-то за камеру – он такого впечатления не производил. В реальности же...

ГЛАВА 1

…тонна самолюбования. Ладно, не тонна – за весом парень явно следит с таким тщанием, что любая девушка с обложки может позавидовать его выдержке и спросить совета. Результат налицо – и ниже. И ниже...

Такое тело до сих пор мне доводилось видеть разве что в коротких роликах, которые постят по вечерам в закрытых женских группах. Душу я там, чего греха таить, отвожу часто, и красивым торсом меня уже не удивить. Поэтому первое, на что я невольно обращаю внимание, – это ноги. Длинные, мускулистые ноги в прямых джинсах, ровно таких, чтобы дать понять, что там, под грубой тканью, но не облепить, не показаться вульгарным. В какой-то момент меня тянет плюнуть в лицо тому, кто сказал, что ни одна женщина не потеряет голову из-за мужчины только потому, что у него красивые ноги. К тому же…

Широкие плечи, узкая талия – все подчеркнуто простым белым свитером грубой вязки, и я готова поспорить, что там, под ним, – бархатистая кожа и идеально прочерченный рельеф мышц. И если большинство парней, когда-либо встреченных мною в качалке, этим и ограничивались, делая ставку исключительно на тело, то этот не поленился: нарочито небрежная щетина – ровно там, где она подчеркнет мужественную линию челюсти и высокие скулы, и ни миллимет-

ром дальше; светлая челка, напротив, уложена так, чтобы скрыть небольшой шрамик на лбу – просто притенить, не спрятать полностью.

Что он вообще делает на свидании с матерью-одиночкой в десять часов утра в воскресенье?

«Не мое» – это самый мягкий эпитет, которым я могла бы его описать, хотя и затрудняюсь объяснить почему. Просто потому, что с трудом представляю рядом с собой кого-то с полным – в смысле, тотальным, окончательным и бесповоротным – отсутствием синяков под глазами?

Да ладно, даже у Риза появляются, если он спит меньше восьми часов за ночь. А он это делает регулярно!

Вместе со мной, ясное дело.

– Привет, – говорит это дивное видение, остановив ищущий взгляд на мне, и еще и улыбается. Белозубо, как ходячая реклама дорогущей частной стоматологии. – Пожалуйста, скажи, что я не ошибся и ты ждешь именно меня.

А еще коня. Белого. Не поручусь, кто на ком должен был ехать, потому как я рядом с этим холеным красавчиком чувствую себя загнанной лошадью.

К счастью, от решения загадки я могу отвлечься легко и быстро, как и отшить этого неотразимого принца. У любой пророчицы есть один безотказный способ.

– Привет, я Роэна, – улыбаюсь я в ответ. – Хочешь знать, как ты умрешь?

Кто, ради всего святого, хочет узнать это – и потом жить

с непрерывно тикающим обратным отсчетом в голове?

…и тут все идет не так.

– Привет, Роэна, – отзывается он и умудряется усесться напротив, не сводя с меня пристального взгляда. Вредное скрипучее кресло, из-за которого я ни разу не рисковала сидеть в кофейне с коляской, для этого прекрасного принца отодвигается будто само по себе, совершенно беззвучно, стоит едва коснуться пальцами низкой бархатистой спинки. – Расскажи мне.

Я открываю рот... и закрываю.

А он продолжает смотреть – с таким живым, жадным и целеустремленным любопытством, какое я до сих пор видела разве что в исполнении собственного сына. Кажется, меня пытаются взять на слабо?

Отличное, отличное начало. Надо будет сказать большое спасибо Шимме и ее умению выбирать парней в приложении. Нет, он, конечно, на фотке хорош, и в профиле ничего крамольного не написано, но...

Он смотрит и улыбается.

Черт. Ну что ж... я тянусь за его рукой и кладу на стол, раскрытой ладонью вверх, не потрудившись смахнуть крошки от круассана и белоснежную пыль сахарной посыпки.

– Тебя зовут Войден, – начинаю я, привычно отыскивая линии рисунка на коже. Пророческий дар, которому полагалось бы скромно помалкивать или, в лучшем случае, отзываться слабыми искрами прозрения, отчего-то откликается

легко и охотно, и в этом тоже есть что-то невыразимо неправильное.

– Это написано в моем профиле.

– Там написано «Войд», – машинально возражаю я, вчитываясь в узор. Какой-то... очень невыразительный для такого красавчика. Ни вороха детей, ни кучи разбитых сердец, ни...

– Так меня и зови, – решительно постановляет он, и я поднимаю глаза, сбившись.

Войден-Войд сидит напротив живым воплощением любопытства и улыбается. Ни тени насмешки на его лице.

– Хорошо, – киваю я и наконец отыскиваю линию жизни. Короткую. Ужасно, неправильно короткую.

– Будешь что-нибудь заказывать? – спрашиваю я, сглотнув. Но в горле по-прежнему сухо, а в голове тревожно звенит.

– Буду, – легко переключается Войд и поднимается.

К тыльной стороне его ладони прилип одинокий лепесток миндаля в крохотном пятнышке сахарной пудры. Я тянусь стряхнуть – и застываю на середине движения, так и не прикоснувшись.

Прикосновение на самом деле и не требуется. Может помочь при настройке на нужную точку или нужного человека, но если пророчица должна что-то увидеть – она увидит и так.

...эту руку, только какого-то чудовищно неправильного, до колик в животе неприятного цвета. И треснувший лепе-

сток миндаля под костяшкой безымянного пальца.

...возле безвольно лежащей руки – ноги в ботинках. Потрепанных, видавших виды, стоптанных, с прорезиненными носами, сбитыми об раму неудобной коляски.

...ботинок поднимается – и наступает на ладонь с торжеством победителя.

– ...и вот ту чрезмерно порочную корзинку с малиной, не могу на нее спокойно смотреть, – вещает мое видение – пока еще вполне нормального телесного цвета.

Бариста смотрит на него с такой странной смесью брезгливости и восхищения, словно подумывает прибить сам. Просто от избытка впечатлений.

Мне почему-то тоже хочется. Может, потому что на мне вырвиглазно малиновый свитер со скрытыми молниями для кормления грудью, а может – потому что я прячу под скрипучим креслом ноги в ботинках со сбитыми носами.

– Слушай... – неловко начинаю я и сбиваюсь.

– Теперь ты знаешь, как я умру, и тебе уже не хочется об этом говорить, – усмехается он и ставит передо мной изящное блюдечко. На нем песочная корзинка с малиной – ягодка к ягодке. – Впрочем, я наверняка не ошибусь, если предположу, что в этом деле замешано что-то сладкое.

Перед собой Войд ставит еще одно такое же блюдце. Кажется, его корзинка больше моей.

Он хочет отшутиться, дает мне второй шанс завязать беседу – пустую, веселую и непринужденную. Продолжить зна-

комство.

Я смотрю на сахарную пудру на малине и не знаю что сказать. Зачем это ему?

– Что, серьезно? Я угадал? – немного изменившимся тоном уточняет он и, помедлив, со вздохом вонзает десертную вилку в свою корзинку с малиной. Одно плавное, выверенное, какое-то неуловимо порочное движение – и пирожное разваливается на две половинки. В разломе виднеется золотистая крупитчатость песочного теста. – Ну... оно того стоит, – заключает Войд, любуясь на ягодку, наколотую на вилку.

То, с каким неприкрытым удовольствием он перекатывает малину во рту, кажется перебором для любого мукбанга и опасно балансирует на грани фудпорно. Я стараюсь не смотреть на его губы, а он будто и не замечает, насколько сокрушительное впечатление производит.

– Значит, ты истинная пророчица, – с прежним любопытством во взгляде говорит Войд как ни в чем не бывало и нацеливает вилку на вторую ягодку. – Никогда не мог себе представить, как это – жить с готовым прогнозом на годы вперед... кстати, почему ни одна пророчица не работает на метеостанции?

– Мы говорим о погоде? – Я буксую, не в силах переключиться на беззаботную болтовню, но Войд воспринимает это не то как шутку, не то как флирт.

– Разве не с этого стоило начинать? – подкалывает он в ответ.

Мне не хочется с ним флиртовать. Мне хочется сбежать от него подальше.

За что я собираюсь его убить? За контакты его косметолога? Губы и правда выше всяких позвал, но вдруг они натуральные?..

Так. Я же не думаю об этом всерьез?

Да чтоб мне потерять дар и жить сегодняшним днем без прогнозов погоды! Я думаю об этом всерьез.

– Бу. Какой смысл говорить о погоде, не узнав, как собеседник умрет? Может, через пятьдесят лет в постели с другой женщиной, а я тут на смоллтоки распыляйся...

Или до конца осени, потому что я собиралась купить новые ботинки на сезонной распродаже. То есть полтора месяца – а я тут на смоллтоки распыляйся...

– Ты искушаешь меня отпустить шутку ниже пояса, – неожиданно выдает он и нацеливает вилку не то на меня, не то на мой свитер. – Что-нибудь про то, стоит ли внимания мужчина, который даже через пятьдесят лет… а это перебор для первого свидания, м, Роэна?

Он весь – один ходячий перебор. Что для первого свидания, что для кратковременного увлечения, что для жизни в принципе. Но тут выявляется одна небольшая сложность – за последнее время я так мало разговаривала со взрослыми людьми, что, кажется, напрочь забыла, как сообщать им, что не хочу продолжать общение. Вроде бы обычно взрослые сами просекают такие тонкости?

Черт, я бы не просекла.

– Да нет, – машинально отвечаю я.

Появление маленького ребенка вообще здорово расшатывает личные границы. Сложно воспринимать их как что-то жизненно необходимое и незыблемое, когда в первый же день после родов половина перинатального центра хватает тебя за грудь, чтобы проверить, пришло ли молозиво, а в продолжение этой славной традиции следующие несколько месяцев один маленький человек считает совершенно необходимым вообще никогда не отпускать тебя. Никуда. Даже на расстояние вытянутой руки.

– Что, правда можно? – Он недоверчиво приподнимает одну бровь. – И тебе не позвонит внезапно попавшая в беду подруга или как там сейчас девочки друг друга страхуют?

«Девочки». Прошло немало времени с тех пор, как я думала о себе как о девочке.

– Все куда серьезнее, – решаюсь я. Помимо пророчества о смерти есть еще один способ отшить парня, надежный, как часы. – Мне может позвонить няня моего сына.

– Сына? – предсказуемо настораживается Войд, и я выдыхаю.

Не все мои способы отшить парня безнадежно устарели.

– Ага, – киваю я и наконец-то улыбаюсь искренне. – Его зовут Риз. Ему одиннадцать месяцев.

– Вау, – выдыхает Войд и откидывается на спинку кресла. Оно не скрипит. – Хотел бы я, чтобы обо мне рассказывали

с такой улыбкой… только не советуй попросить мою маму.

– Было бы нечестно позволять одному тебе отпускать шутки на грани дозволенного, м? – отзываюсь я и внезапно ловлю себя на мысли, что мне весело.

Проклятье, да за что я убью этого парня? Не за то же, что сумел отвлечь меня от мыслей о сыне?

Потому что способ, которым он этого добился, прямо сказать… словом, вряд ли Войден-Войд рассчитывал именно на такой эффект, когда пришел на свидание при полном параде. Но я, кажется, и правда увлечена – хоть и не самим парнем, а своим собственным вопросом. Очень остро стоящим, если учитывать время, оставшееся до начала распродаж.

Стоит мне это осознать, как паникующий бардак в голове начинает выстраиваться в подобие порядка.

Убегать от пророчеств бессмысленно. Когда проходит первый шок, во мне взыгрывает профессионализм: когда-то давным-давно, еще в прошлой жизни, пусть и менее геймифицированной и гораздо легче прогнозируемой, – но я была неплохой пророчицей и теорию позабыла не полностью. Если убегать, зажмуриваться и делать вид, что ничего такого не видела, – все и произойдет ровно так, как было в предсказании. Нужно разобраться, что привело к ключевой точке, и действовать соответственно.

А значит, Войдена-Войда пока нельзя упускать из виду, как бы мне ни хотелось послать его куда подальше и удрать. Придется сейчас взять себя в руки, а попаниковать уже по-

том, без свидетелей.

– Нечестно, – задумчиво говорит он, и я вздрагиваю, на мгновение решив, что его реплика относится к моим мыслям.

Но телепатия – это выдумки башнефобов. Мой визави всего лишь соглашается с тем, что тоже имеет право на сомнительные шутки, раз уж я начала их отпускать. Мне остается лишь надеяться, что желание я уже отбила.

– А с кем твой… Риз остался сегодня? – осторожно спрашивает Войден, и я с удивлением понимаю: нет, не отбила. Войден-Войд все еще прощупывает границы дозволенного и даже интерес не утратил – настолько, что потрудился запомнить имя моего сына. Как будто вознамерился познакомиться еще и с ним, а не просто приятно провести время с отчаявшейся от одиночества и оттого готовой на многое женщиной.

– С няней, – от неожиданности честно отвечаю я.

Войден-Войд заметно расслабляется, и я не сдерживаю смешок.

– Что? – Он со смущенной улыбкой пожимает плечами. – Должен же я был узнать. Вдруг там бывший муж – или, того хуже, даже не бывший?

– Муж у пророчицы? – хмыкаю я и неожиданно понимаю, что мне от этой темы еще некомфортнее, чем парню, с которым начали обсуждать мужей на первом свидании. Мне не хочется, чтобы разговор сворачивал в эту степь. – Нет. Но

как раз моей няне ты и можешь быть благодарен за то, что у тебя свидание с пророчицей. Это была ее идея – выставить меня проветриться без коляски.

– Не твоя? – Войден-Войд жалобно заламывает идеальные брови, но уголки губ у него подрагивают от сдерживаемой улыбки.

– Какие могут быть идеи у матери-одиночки без одобрения няни? – Кажется, вот так и работают толстые намеки в исполнении взрослых людей? Я развожу руками, поддерживая тот же непринужденно-смешливый тон, что и Войден-Войд. – Это только на бумаге я ее работодатель. На деле она самая строгая дуэнья, какую только можно вообразить.

– Значит, я прошел двойной отбор? – смеется Войден-Войд, и я снова думаю про тонну самолюбования.

Сказать, что ли, что он единственный, кто согласился прийти на свидание в рабочие часы Шимме?

– Тройной, – вежливо поправляю я.

Войден-Войд ненадолго зависает, но быстро соображает:

– Риз тоже одобрил?

И я с радостью хватаюсь за сравнительно безопасную тему.

– Ну да. У тебя на фото в профиле магическая башня на заднем плане. Она-то и купила тебе третий голос «за».

– А. – Его улыбка становится шире, и я понимаю, что ляпнула самую чуточку лишнего – дала понять, что голос «за» он получил и от меня тоже. – Я техник на пятьсот седьмой,

фотография – с работы.

Что ж, это объясняет, почему на фото в профиле он чуть меньше похож на парня с обложки. С таким, какой он в реальности, я бы даже не стала пытаться.

Это ведь не марафет, который навели ради того, чтобы произвести впечатление. Это – образ жизни: и правильное питание, и регулярный спорт, и частое посещение мастеров красоты самых разных категорий. Не сам же он себе брови ламинировал…

И все это – техник? Тот самый техник, который всего лишь поддерживает работу магической башни, чтобы такие вот работнички, как я, могли пророчить в зоне ее действия?

– Старший техник? – ляпаю я без задней мысли и только потом понимаю, как это прозвучало.

– Ну, начальник техотдела, – неловко пожимает плечами Войден-Войд, только помножив мои вопросы, и внезапно переводит тему: – А вот ты, должно быть, очень сильная пророчица, раз смогла пробиться сквозь остаточные помехи башни и увидеть мое будущее. Обычно я – одно сплошное белое пятно для пророчеств.

– Ну, сильнее среднего, – так же неловко пожимаю плечами я и запоздало осознаю, что прозвучало это так, будто я не то передразниваю его, не то флиртую. А я, чтоб мне провалиться, просто не думаю, что несу!

– Намного сильнее, если даже сейчас можешь видеть что-то, что не влияет на будущее Риза, – поправляет меня Вой-

ден-Войд, и я едва успеваю прикусить язык.

Ну да, пока ребенок маленький, пророчицы чаще всего перестают видеть что-либо, не связанное с ним. Стремление заботиться и оберегать настолько сильно, что убедить свой дар отвлечься от самого главного сокровища практически невозможно. Это под силу разве что самым сильным, опытным и, что даже важнее, упорным – и влюбленным в профессию сильнее, чем в собственного мужа, если вдруг таковой случился.

Я увидела будущее Войдена-Войда просто потому, что попавшая под статью мать имеет примерно ноль шансов не повлиять на Риза. Но вываливать это на своего визави я пока решительно не готова!

– Не настолько. – Я неловко пожимаю плечами и тут же, не выдержав, закрываю глаза ладонью. – Прости, я максимально растеряна сейчас. Не ожидала как-то... – Второй рукой я обозначаю своего собеседника – с головы до широкой груди. Уж сколько видно над столом. – Это, наверное, уже многое говорит о моем даре, да? – Я нервно смеюсь и запоздало закрываю рот – рукой. Операцию следовало проделать гораздо раньше, но лучше поздно, чем никогда.

Войд хлопает глазами и опускает взгляд на свой свитер – разумеется, безупречный. И не белый, как мне показалось в первое мгновение, – скорее цвета топленого молока, идеально оттеняющего слегка загорелую кожу. Залипнуть бы мне намертво, но Войд сам встряхивается и вдруг протягивает

руку ко мне.

Пальцы сухие и теплые – скользят от щеки к углу рта, и прикосновение ощущается так остро и четко, что мне мерещится широкая линия, нарисованная на моем лице. К внезапному вторжению в личное пространство не привыкать, но я все равно застываю, как сурикат на дозоре, сраженная собственной реакцией.

А Войд убирает руку и с виноватой улыбкой демонстрирует мне подушечки пальцев, испачканные сахарной пудрой:

– Прости, у тебя...

– Рот в пудре, – упавшим голосом заканчиваю я, роняю лицо в ладони и уже из спасительной темноты заканчиваю: – А теперь не только он.

Блестящая, сногсшибательная Роэна. Но Войден-Войд только смеется, и его веселье беспокойно скачет по коже тысячей воздушных шариков, оставляя после себя электрическое напряжение. Кажется, коснись я его сейчас – обоих дернет током.

Наваждение какое-то. Не статическим электричеством же я его убью!

– Расскажи мне о своей работе, – прошу я и тянусь к салфетнице. В моем рюкзаке тоже есть запас, но сейчас я готова убиться, лишь бы не вытираться детскими салфетками из начатой пачки прямо перед этим нереальным принцем. – Пока я не опозорилась еще больше.

Войден-Войд качает головой и в задумчивости облизыва-

ет пальцы. Движение неспешное и рассеянное, словно он пытается выиграть время и придумать, с чего начать рассказ, но меня вдруг пробивает крупной дрожью, которая сворачивается тяжелым, тугим узлом напряжения в самом низу живота. На мгновение я даже забываю, кто я, где я и зачем.

Если прекрасный принц сделает так еще раз, я его точно прибью.

– Там, на самом деле, ничего интересного, – наконец отвечает Войд, милостиво не став продолжать разговор о том, кто тут позорится и как. Пожалуй, я даже уверений, что ему все нравится, не вынесла бы. – Магбашня как магбашня. Техники заходят внутрь, исследуют первый этаж и передают увиденное дальше, в отдел поддержки. Мы даже не трактуем, что именно нужно башне: зачистить какую-нибудь живность, пробравшуюся внутрь, или пройтись со шваброй по лестнице. Наше дело – зайти, осмотреться и, что немаловажно, выйти.

– А это ты уже что-то интересное осмотрел? – Я киваю в сторону шрамика на его лбу, и Войд машинально, не задумываясь, почесывает его кончиками пальцев.

На нем не остается ни пылинки от сахарной пудры. Что характерно.

– Если скажу, что шваброй получил, поверишь? – смеется он после небольшой, едва заметной паузы.

Я отвечаю вымученной, но вполне понимающей улыбкой. Пророчицы тоже не имеют права рассказывать все, что

видят. Даже одаренные люди – просто люди, и их суждения субъективны. Слишком легко посеять панику из-за каких-нибудь дурацких личных ассоциаций при толковании. Для того и нужен отдел поддержки – чтобы каждый частный случай разбирала целая команда людей, способных худо-бедно просеять чужие впечатления сквозь сито здравого смысла.

Эта необходимость порой молчать о том, о чем хочется орать во всю глотку с самой большой тыквы на главной площади города, заставляет проникнуться сочувствием и даже ощутить какое-то душевное родство. Я наконец немного расслабляюсь и чувствую, что мне уже не нужно следить за выражением лица.

Улыбаюсь я уже вполне искренне. Хоть и совсем не весело.

– Неа. – Я верчу головой и с трудом придерживаю при себе шуточку про страховку при работе с весами в спортзале. – Разве что ты уточнишь, кто эту швабру держал. Какая-нибудь... – Тут я снова осекаюсь.

«Какая-нибудь невыспавшаяся пророчица» – чтобы оценить этот выпад, нужно знать чуть больше контекста, чем я могу рассказать.

– Не уточню, – разводит руками Войден-Войд и улыбается с такой подначкой, будто читает мысли – по крайней мере, про спортзал. А потом разламывает остатки злосчастной малиновой корзинки еще на две половинки, и я завороженно

наблюдаю, как сок из раздавленной ягодки обволакивает десертную вилку и медленно впитывается в тесто, окрашивая его в розоватый цвет. В голове в этот момент у меня сидит маленькая возбужденная обезьянка и играет на цимбалах. – Ты когда-нибудь бывала внутри башни?

Никогда бы не подумала, что столь невинный вопрос можно задать таким тоном, что обезьянка в голове удвоит темп.

– Не приходилось, – признаюсь я и смущенно прочищаю горло. Погружаться в детали своей работы сейчас не хочется, и я решаю не объяснять, почему пророчицы в принципе стараются держаться подальше от эпицентра своей силы. – Когда здесь появилась башня и у меня внезапно открылся дар, было как-то не до того, а потом родился Риз... и теперь вообще не до всего. Подожду, пока он немного подрастет, и пойдем на экскурсию в семьдесят шестую... если еще получится, это сейчас она молчит уже несколько лет подряд. А что будет через три года?.. Риз обожает башни.

И это немного пугает. Большинство детей их сторонится – темные бойницы, еле слышный гул, слабая дрожь выжженной почвы под ногами и ощущение чуждости, иномирности, неизменно сопровождающее появление башен, слабо соответствуют детским ожиданиям. Но Риз – это Риз, и я уже не раз оттаскивала его от черных каменных ступеней пятьсот седьмой. Где же еще играть одиннадцатимесячному пацану, как не на ступеньках, по которым так весело ползать вверх и вниз?..

– Я сойду с ума, если он вырастет и пойдет в отряд зачистки, – вырывается у меня против воли.

Не то чтобы я так уж далека от того, чтобы свихнуться прямо сейчас.

Войден-Войд понимающе кивает и выдает обязательную программу вежливости: рассказывает, что на самом деле большинство башен уже хорошо изучены и зачистка похожа скорее на службу по военному контракту, чем на прогулку по полной (но очень хорошо вооруженной) неизвестности. И что вовсе не обязательно интересы одиннадцатимесячного малыша совпадут с интересами двадцатилетнего лба.

Где-то тут я окончательно теряю связь с реальностью и отпускаю шутку про интерес к сиськам, что вечен, незыблем и неисчерпаем. Предсказуемо добиваюсь того, что Войден-Войд находит взглядом молнии на моем свитере и становится несколько рассеян, а его тон приобретает какие-то странные хрипловатые нотки – непривычные, но легко читаемые.

Это пугает гораздо больше неопределенно далекого будущего – то, насколько просто сойтись с мужчиной совершенно чуждого мне типажа, найти с ним общую тему для шуток и разговориться. Я снова начинаю тормозить и запинаться, и тут – о, счастливый, счастливый момент, – начинают навязчиво вибрировать часы у меня на руке.

– Что, все-таки подруга в беду попала? – спрашивает Войден-Войд, несколько скиснув.

Я отключаю будильник и мотаю головой.

– Нет, все куда прозаичнее. Няня сегодня только до двенадцати, мне пора возвращаться.

Войден-Войд несколько приободряется.

– Ох уж эти современные Золушки, – рассеянно бормочет он и проводит ладонью по волосам, взъерошивая челку так, что она встает дыбом – да так и остается торчать. Но ему невыносимо идет даже это. – В сказках хотя бы хрустальные туфельки и бой часов, а в реальности – няня оплачена только до полудня… и никаких полуночных вечеринок. Позволишь хотя бы оплатить тебе карету?

– Чувствую здесь какой-то подвох.

Он тоже смеется. И это тоже невозможно обаятельно – настолько, что я записываю его номер, ни разу не вспомнив о том, что тот нужен только для того, чтобы отследить ключевую точку в пророчестве. А вовсе не для...

Проклятие.

ГЛАВА 2

Домой я иду пешком. Телефон в исключительно грызабельном силиконовом чехле приятно греет ладонь, пока я сохраняю новый контакт. Мир вокруг кажется размытым и нереальным, будто я сейчас вовсе не здесь и кому-то другому мокрый асфальт холодит ноги сквозь подошвы стоптанных ботинок. Обычно так я себя чувствую после нескольких бессонных ночей подряд, но Войдену-Войду хватило всего одного разговора, чтобы выбить меня из колеи.

Шимме открывает дверь после первого же стука. Вид у нее как у человека, который в одиночку разгреб снежную лавину и очень хочет, чтобы это оценили по достоинству.

– Минус бизи-борд, – объявляет она вместо приветствия и отступает, пропуская меня в прихожую.

– Который? – с обреченным вздохом спрашиваю я.

Выживших бизи-бордов оставалось всего два: деревянный в форме домика (и то потому, что я заблаговременно сняла с него железную цепочку и шнурок для отработки мелкой моторики) и пластиковый в виде панели управления неведомого космического корабля, со светящимися тумблерами и ключами зажигания на нейлоновом шнурке.

Вместо ответа Шимме достает из кармана обрывок кабеля со скорбно обвисшим разъемом. Прощай, космический корабль, не лететь тебе в звездные дали.

– Съел банан, – невозмутимо продолжает Шимме, и это тоже не звучит как-то обнадеживающе.

Я прикрываю глаза и расстегиваю ботинки на ощупь.

– Размазал по всей кухне?

– По столу, стульчику, холодильнику и немножко по мне.

Риз стоит возле дивана в гостиной и деловито грызет подлокотник с таким видом, будто наконец-то нашел прорезыватель по размеру. При виде меня он выпускает свою жертву, выдает громогласное «маааааа!» и улыбается. Ходить Риз еще не умеет, но ползает со скоростью таракана, вспугнутого внезапно включенным светом, – я не успеваю и заикнуться о том, что мне нужно помыть руки, как на этих самых немытых руках уже повисает нетерпеливый мальчишка и порывается вскарабкаться повыше, не дожидаясь помощи. Я смеюсь и подхватываю его, утыкаюсь носом в самую целовательную макушку на свете и несу какую-то счастливую влюбленную пургу, сформулировать которую способен разве что мозг в последней стадии ослепления гормонами. Риз тут же вцепляется пальцами в мои волосы так деловито, словно именно это и было целью всей его суеты, и Шимме приходится отвлечься от сбора вещей, потому что выпутаться из этой хватки без потерь просто нереально.

– Ну? – строго спрашивает она наконец, пересаживая Риза к себе на бедро. С ней мой драгоценный и правда не позволяет себе таких вольностей, как хватание за волосы, – даром что длинная русая коса Шимме просто напрашивается.

Особенно сейчас.

– Ну, – не очень содержательно отзываюсь я.

– Понравился? – терпеливо переформулирует моя дуэнья, которой не раз приходилось сталкиваться с подростковыми бунтами пострашнее.

Я думаю. Риз тянет ко мне руки и готовится негодовать – вижу это по излому его губ.

– Он какой-то... – Я наскоро сворачиваю волосы в кубышку, перехватываю ребенка и чувствую себя гораздо увереннее, чем мгновение назад. Более цельной, что ли?

Может быть, даже взрослой. Во всяком случае, во мне наконец-то просыпается здравый смысл и способность хоть немного думать головой, а не только пихать в нее треклятую малину.

– Нереальный красавчик, даже лучше, чем на фото, – честно признаю я и целую пушистую Ризову макушку, а он доверчиво прижимается щекой к моему плечу, за одну секунду превращая меня из собранной, обученной пророчицы в ходячее материнское умиление.

Шимме, напротив, остается собранной и целеустремленной, как баллистическая ракета. Весь ее вид говорит о том, что она ждет продолжения – и она его получит.

– Ему от меня что-то нужно, – сдаюсь я и целую макушку еще раз, потому что удержаться нет никакой возможности. – Позарез. Иначе зачем предлагать второе свидание? Он такой... черт, будь я мужчиной, сейчас обрисовала бы руками

гитарообразный силуэт и пошло причмокнула.

Шимме едва заметно двигает бровью. Какое-то подобие субординации, еще сохранившееся в наших отношениях, не позволяет ей произнести вслух что-нибудь вроде «а что тебя останавливает?», но скрывать ход своих мыслей няня нужным не считает.

– Если бы такой мужчина захотел, то без труда получил бы красотку классом повыше матери-одиночки с кругами под глазами. И уж точно не интересовался бы моим сыном.

Шимме смотрит на меня с выражением, которое я про себя называю «дуэнья думает, что работодатель окончательно съехал».

– Может, – произносит она очень спокойно, – ты ему просто понравилась.

Я смотрю на банан, размазанный по холодильнику – и (теперь), похоже, немного и по мне. Риз перестал изображать ласкового ангелочка – жизнерадостно верещит и пытается достать до лампочки, подпрыгивая у меня на руках.

– Может, – соглашаюсь я без малейшей убежденности.

Я еще не настолько сдурела, чтобы спорить с Шимме.

К счастью, ее этот ответ вполне устраивает. Шимме повелительно указывает мне на раковину – черт, руки, я не помыла руки! – и уходит, условившись насчет завтрашнего дня. Дверь щелкает замком, Риз смотрит на нее и издает торжествующий вопль – видимо, отмечает таким образом уход единственного человека, который не дает себя оседлать.

Потом оборачивается ко мне и с широкой улыбкой выплевывает остатки банана на мой малиновый свитер. И ласково гладит по груди, мимоходом втирая свой прикорм в потайные молнии.

– Спасибо, – говорю я ему серьезно. – Очень в тему.

Купаю его, кормлю, снова купаю – потому что обед размазывается с еще большим размахом и энтузиазмом, чем какой-то скучный банан, – и наивно (каждый раз как в первый, а!) укладываю в приставную кроватку. Риз переворачивается на живот, гулит, переворачивается обратно на спину и требовательно тычет пальцем в мою грудь.

Вечно, незыблемо и неисчерпаемо. Только молнию теперь заедает – и вообще неплохо бы наконец переодеться.

На груди он засыпает быстро, минут за пять, и я наконец отползаю от своего сокровища, с наслаждением вытягиваясь во весь рост.

Войден пишет ровно в двенадцать. Просто: «Добралась?»

Я смотрю в экран, моргаю и с приглушенным ругательством стягиваю свой малиновый свитер через голову. После сегодняшнего хочется его не просто постирать, а еще и освятить, хотя пахнет он пока нормально – бананом и молоком.

А еще банан нужно отмыть от... ну, примерно всей кухни. Один несчастный банан, проклятие, как им можно покрыть такую площадь и еще и наесться в процессе?!

Клянусь, этот ребенок будет специалистом по эффективному расходованию ресурсов.

«Ага», – пишу я, отвлекшись от оттирания холодильника, и вдруг ловлю себя на том, что перебираю стикеры в мессенджере, придирчиво высматривая подходящий. Отправляю сообщение как есть и убираю телефон, прежде чем успеваю сделать еще что-нибудь глупое.

Если Войден-Войд продолжит диалог после этого, то ему точно что-то от меня нужно, и это заполучить куда сложнее, чем одноразовый секс. Потому что, положа руку на сердце, если бы он поставил себе такую цель...

Телефон вибрирует так, что настойчиво ползет к краю столешницы.

«Слушай, я понимаю, что еще рано и вообще правилами хорошего тона положено подождать денек, чтобы позволить переваривать впечатление и все такое, но»

«Ты же не можешь пока уходить далеко от дома, правильно?»

«Я тут знаю одно место неподалеку от той кофейни – у них уже обновилось сезонное меню и появилось латте с сырной шапкой и тыквенным печеньем»

«Можно я приведу тебя туда и сделаю вид, что латте не для меня?»

«Тебе рисуют на кофе всякую милоту, я видел и тоже так хочу»

Я смотрю на экран так, будто телефон может укусить неосторожно отвлекшуюся пророчицу. Наверху назойливо мигают три точки. Из спальни доносится протяжный вздох

– я настораживаюсь еще больше, замираю, вслушиваясь, но дыхание ребенка быстро становится размеренным и спокойным. Риз еще не проснулся – а экран телефона снова загорается:

«Если у тебя подруга в беде, скажи мне это именно в такой формулировке, пощади мое самолюбие»

«Но если все хорошо – когда у тебя будет свободное время? Я подстроюсь»

Последнее меня добивает, и я утыкаюсь лбом в телефон, словно так можно облегчить себе задачу по подключению мозгов в действо. Мне и правда нужно время, чтобы «переварить впечатления», но я и так догадываюсь, что примерно этим и буду занята всю ночь. Днем-то меня еще найдется кому отвлечь, а вот потооом...

«Разве тебе не нужно на работу?» – набираю я и стираю не отправив. Это звучит как подруга в беде.

«Завтра утром?» – я тоже стираю и с трудом удерживаюсь, чтобы не начать ругаться в голос.

Да сколько тебе лет, Роэна? Этот мужик нужен только для одного: разобраться, почему мне может понадобиться его убить! А я трясусь над перепиской так, будто раздумываю, тот ли он самый, что украдет первый поцелуй!

«В среду? – быстро печатаю я и очень надеюсь, что это не считывается как отчаяние. – Только я опять буду неправильной Золушкой».

«Встретимся десять утра и ты сбежишь в полдень?»

«Годится»

«Уже готовлю стопомер»

Я вздрагиваю и опускаю взгляд.

Ботинки со сбитыми носами, разумеется, остались в прихожей. Я сижу босая во всем великолепии отсутствия педикюра на протяжении одиннадцати с лишним месяцев, и в какое-то ослепительно тупое мгновение мне хочется записаться в ближайший салон – в принципе, до среды Шимме придет еще раз, и я могу успеть.

Только вот иногда мне нужно просто сидеть в тишине и смотреть в одну точку. Иначе не поможет никакая геймификация. Мне не хватит моральных сил сидеть с ребенком, поддерживать квартиру в худо-бедно пригодном для житья состоянии, отслеживать признаки ключевой точки пророчества и еще и изображать из себя сногсшибательную светскую львицу. Да и кто тут собирается предъявлять Войдену-Войду педикюр?

Если ему и правда что-то нужно, я и так сгожусь. А если нет и я правда заинтересовала такого лощеного красавчика, то тем более пусть привыкает к суровой реальности. Ресурса на то, чтобы быть красоткой ему под стать, у меня не будет еще долго.

«Не забудь подушечку с кистями для туфельки», – пишу я и – исключительно ради нотки здорового реализма – отправляю ему фотографию своих ботинок на фоне жизнерадостно-желтой коляски в прихожей.

Телефон стихает. Я выдыхаю и домываю холодильник, размышляя о том, что бы такого ввести в прикорм, что было бы чуточку сложнее размазать, – но ничего доброго и светлого в голову не приходит. Там вообще настойчиво вертится исключительно малина под белой вуалью сахарной пудры и серебристые зубчики десертной вилки, медленно, с нажимом прокладывающей себе путь сквозь мягкое песочное тесто, и это отчего-то хочется заблюрить от и до.

А потом в мессенджер падает фотография золотистых кистей – по виду, на шторы. На заднем плане виднеются отрезы тканей, художественно разложенных по прилавку.

Он что, серьезно потащился в ателье за кистями на декоративную подушку?..

У меня вырывается смешок – такой громкий и дурацкий, что очередной вздох из спальни перерастает сначала в ворчание, а потом – секунду спустя – в возмущенный плач, который способен издавать только ребенок, уснувший на груди у мамы, а по пробуждению обнаруживший себя в кроватке. Одного!

Я бросаю телефон и бегу к Ризу, еще из коридора принимаясь уверять его, что все хорошо и мама тут. Но успокаивается он только на руках, а фотография висит в мессенджере без ответа до самой ночи.

Впрочем, и тогда меня хватает только на то, чтобы отправить в чат стикер в виде опоссума, падающего в обморок.

Я чувствую с ним небывалое душевное родство.

ГЛАВА 3

В дни, когда игрок В отлынивает от своих обязанностей по отвлечению игрока Б, нахально называя это «выходными», я стараюсь как можно больше гулять. У игрока А выходных не бывает, а чайничек свистит регулярно. Долгие прогулки, во-первых, хоть как-то помогают держать себя в руках, а во-вторых – спасают квартиру от разрушения одним небывало предприимчивым мальчиком.

Подступающие холода несколько портят картину: если летом можно было без зазрения совести выпускать Риза поползать на любой более-менее свободной детской площадке и потом просто следить, чтобы облизаны были только сравнительно чистые ее части, то сейчас у ребенка быстро начинают мерзнуть ручки – а от навыка прямохождения его отделяют бесконечно долгие и бесконечно одинаковые месяцы.

Я нацепляю на бунтующего ребенка непромокаемые варежки и повторяю маневр. Теперь ручки не мерзнут – а вот карабкаться на всяческие занятные лесенки становится в разы сложнее, и Риз дуется. Но не сдается.

Хвала прикорму – когда Риз устает, достаточно просто усадить его в коляску, снять варежки и выдать пакетик с пюре: сначала – с сытным, мясным, которое летит на землю едва ли не быстрее, чем ребенок успевает разобраться, что ему подсунули; и потом – с фруктовым. Его мой мальчик прини-

мает куда более благосклонно, и я достаю еще один пакетик.

Мать из меня, наверное, так себе. Твердую пищу Риз пока ест только дома, где бывает куда реже, чем нужно для гармоничного развития, а переодеваться вообще привык где угодно – все общественные туалеты наши. Зато, вымотавшись на детской площадке (ладно, не столько на площадке, сколько в попытках уползти с нее в столь привлекательную лужу посреди дворового проезда), он прекрасно спит в коляске, а я наконец могу выдохнуть и хоть ненадолго уйти от дома чуть дальше, чем на два квартала.

Неслыханная роскошь, на самом деле. Можно даже сделать пит-стоп! Но только в первые двадцать минут, пока сон еще глубок – потом Риз начнет моментально реагировать на любую попытку остановить коляску, и в моих же интересах безостановочно идти. Поэтому кофе я всегда беру в одном и том же месте.

Бариста привычно отворачивается к кофемашине, стоит мне приблизиться к стеклянным дверям.

– Круассан? – предлагает он, не оборачиваясь: взбивает сливки, пока кофемашина готовит эспрессо.

Сегодня тон у него заметно холоднее, чем обычно. Я отрываю взгляд от невыразимо порочной корзинки с малиной в глубине витрины и с трудом сдерживаю нервный смешок.

Кажется, Войден-Войд произвел сокрушительное впечатление не только на меня.

– Шоколадный, – решаю я, отворачиваясь от треклятой

малины, и машинально покачиваю коляску на месте: сейчас это не так важно, но привычка никогда не останавливаться сильнее меня.

Бариста кивает и переливает эспрессо и сливки в высокий одноразовый стакан с логотипом кофейни. Круассан он уже достает с натренированной профессиональной улыбкой – не очень искренней, но такой энергичной, что она действует едва ли не лучше кофе.

– Спасибо, – вежливо говорю я и начинаю привычный ритуал: дверь в кофейне распашная, и выйти с коляской проще спиной вперед. Так я делаю всегда – и немало удивляюсь, когда бариста выскакивает из-за стойки, чтобы придержать для меня дверь. – Спасибо большое, – неоригинально повторяюсь я и только потом спохватываюсь: – Холод такой, прячьтесь скорее обратно в тепло!

Он снова улыбается, и мне мерещится что-то вроде «конечно, мамочка», произнесенное практически одними губами. Я предпочитаю сделать вид, что ничего не заметила, и сосредотачиваюсь на небывало сложной задаче: сколько бы застройщик ни рекламировал доступную для колясок среду, порожек у двери все равно есть, и нужно приподнять сперва передние, а потом и задние колеса, чтобы выехать на низкое крыльцо. Бариста ждет, хотя светлые волоски на его предплечье уже торчат дыбом от холода, и такая терпеливость кажется странной.

Порядок выкатывания коляски тоже непривычный, и я

встряхиваю головой. Это что же, и кофе необязательно пихать в подстаканник, чтобы за всем уследить и не зацепиться огромным мама-рюкзаком с миллионом карманов за дверную ручку или табличку «Открыто»?

Дичь какая. Еще скажите, что я круассан не накрошу на свитер так, что коляской придется управлять одной рукой, чтобы отряхнуться на ходу!

...нет, с этой частью порядка мироздание даже тверже и непоколебимее, чем обычно. Есть на ходу, толкая перед собой коляску, по-прежнему неудобно. Свитер я уделываю и крошками, и шоколадом – круассан совсем свежий, и начинка еще жидкая. А свитер, разнообразия ради, не малиновый, а светло-бежевый, купленный не иначе как в момент помутнения рассудка.

Шоколадное пятно на нем смотрится этаким незыблемым напоминанием о гармонии и спокойствии. Я собираю остатки шоколада пальцем и облизываю подушечку.

Ноги сами несут меня через старый парк с крошечным озерцом к темной громаде, довлеющей надо всем окружающим пейзажем. Пятьсот седьмая издалека кажется черной стрелой, пробившей золотые облака осенней листвы – да так и застрявшей в кронах, не долетев до неба. Она странная, мрачная, нездешняя – совсем не вписывается в тихую идиллию спального района со всеми его однотипными многоэтажками, так похожими на неуклюжие башенки из цветных кубиков. Это, разумеется, никак не останавливает людей

от того, чтобы обжить окрестности даже при таком неуютном соседстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.